

83.3 (2 Рос-Рус)

Б 43

Н. П. Белдыцкий.

РЪШЕТНИКОВЪ

И ЗНАЧЕНІЕ РЕАЛИСТИЧЕСКАГО

ТВОРЧЕСТВА.

„Наша литература должна
говорить правду“.

Ръшетниковъ.

П Е Р М Ъ.

Электро-типографія губернскаго Земства.
1916.

*Трубопроводомъ
Киевскіи Александровскіи
судіи обличеніи на Губернскіи
А. Белдыцкий*

I.

Біографія.

Рожденіе Рѣшетникова. Бѣгство матери въ Пермь. Смерть матери. Воспитатели Рѣшетникова. Кошмарное дѣтство. Бурса. Бѣгство изъ бурсы. Розги. Озлобленность ребенка. Свиданіе съ отцомъ. Въ уѣздномъ училищѣ. Воровство корреспонденціи. Ссылка въ Соликамскій монастырь. Переломъ міросозерцанія. Окончаніе курса. Переѣздъ воспитателей въ Екатеринбургъ. Служба Рѣшетникова въ судѣ. Снова въ Перми. Самостоятельная жизнь. Первые литературные опыты. Въ казенной палатѣ. Переѣздъ въ Петербургъ. „Подлиповцы“. Въ редакціи „Современника“. Г. И. Успенскій о Рѣшетниковѣ. Дальнѣйшее творчество Рѣшетникова. Смерть писателя. Отзывъ Скабичевского.

5 сентября 1841 г. въ Екатеринбургѣ, въ бѣдной, можно сказать, нищенской семьѣ, у почтальона Михаила Рѣшетникова явился на свѣтъ младенецъ, получившій при крещеніи имя Федора. Не съ привѣтливой улыбкой, но хмуро и враждебно встрѣтила жизнь появленіе новаго члена человѣческой семьи.

Отецъ предавался самому безпробудному пьянству. До женитьбы онъ занималъ должность дьячка и безпросвѣтная жизнь заставила его искать забвенія въ винѣ. Думая остепенить его, родной его братъ, занимавшій одну изъ низшихъ должностей въ Екатеринбургской почтовой конторѣ, женилъ Михаила на одной тихой и кроткой дѣвушкѣ, сиротѣ бѣднаго дьякона, и устроилъ почтальономъ при такой же конторѣ. Но поздно было исправляться человѣку, втянувшемуся въ пьянство, и въ лицѣ жены Михаила Рѣшетникова явилась еще одна изъ безчисленныхъ жертвъ тиранин сившагося и озлобленнаго отъ житейскихъ невзгодъ человѣка.

Жизнь обратилась въ адъ и сдѣлалась невыносимой даже для кроткой и терпѣливой женщины, особенно послѣ того, какъ братъ Михаила Рѣшетникова вмѣстѣ съ семьей переѣхалъ въ Пермь, гдѣ получилъ незначительное мѣсто въ почтовой конторѣ.

Несчастливая мать, спасаясь отъ побоевъ вѣчно пьянаго мужа, съ девятимѣсячнымъ сыномъ своимъ на рукахъ, пѣшкомъ отправи-

2

Пермская областная
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

БРЗРТ
II 2003765

лась изъ Екатеринбургъ въ Пермь. Не въ добрый часъ явилась она въ этотъ городъ, гдѣ ей сыну предстояло такъ много перестрадать, а ей обрѣсти преждевременную гибель. Усталая и измученная женщина явилась въ Пермь во время сильнаго пожара и была такъ напугана, что заболѣла и скончалась въ городской больницѣ. Ребенокъ остался на рукахъ дяди и тетки и такъ какъ на участіе его отца не было никакой надежды, то они и занялись его воспитаніемъ.

Воспитатели будущаго бытописателя Пермскаго края были люди по существу добрыя, честныя, но придавленные нуждой и своимъ зависимымъ положеніемъ.

Безотраднa и сурова была тогда жизнь мелкихъ служащихъ, нравы царили въ этой средѣ въ высшей степени грубыя, а издѣвательства и несправедливости начальства, совершенно озлобляли несчастныхъ труженниковъ, жизнь которыхъ обращалась въ сплошную адъ. Безысходная нужда, жизнь безъ всякаго просвѣта въ будущемъ, вѣчныя оскорбленія начальствующихъ лицъ, обращавшихся съ подчиненными не лучше, чѣмъ съ животными, — невольно озлобляли каждаго, кто только имѣлъ несчастіе попадать въ эту среду. Создавался типъ озлобленнаго человѣка, проклинающаго свою несчастную долю, проклинающаго людей, не вѣрящаго ни во что свѣтлое, хорошее. Большинство не выдерживало и спивалось. Непьющіе замыкались въ себѣ въ своей озлобленности и только въ безплодныхъ ругательствахъ и проклятіяхъ отводили измученную душу, хмуро неся бремя жизни.

Къ послѣднимъ принадлежалъ и дядя Рѣшетникова.

Свое безотрадное дѣтство Ф. М. подробно изобразилъ въ автобіографической повѣсти „Между людьми“.

Будущій нашъ писатель былъ ребенкомъ чрезвычайно живымъ, бойкимъ, впечатлительнымъ. Но эта живость совершенно не мирилась съ нравами, царившими въ этой угрюмой, озлобленной средѣ.

„Родные наши, — повѣствуетъ Ф. М., — были строги, не любили дѣтскіе игры. Они хотѣли, чтобы мы сидѣли смирно; они боялись, что мы издеремъ и измараемъ рубашки и платья, ушибемся. Все это дѣлалось, конечно, съ цѣлью оберечь насъ. Но что же было намъ дѣлать, какъ не играть только? Намъ ничего не читали, ничего не рассказывали хорошаго, не велѣли дотрагиваться до книгъ. Если мы спрашивали: „а почто это гремитъ? Почто идетъ такъ скоро туча?“ Намъ отвѣчали: „не ваше дѣло“. Если мы приставали съ разспросами, намъ отвѣчали подзатыльниками. Какъ теперь помню, вся забота нашихъ родныхъ состояла въ томъ, чтобы мы во всемъ слушались ихъ, пересказывали все, что говорилось другими про нихъ, не знали съ тѣми, кого и они не любили, меньше ѣли. При этомъ они говорили, что хотятъ изъ насъ сдѣ-

лать подобіе себѣ, и указывали на какого-нибудь служащаго молодого человѣка: „Посмотри-ка какой человѣкъ то сталъ! А вѣдь какъ были то его бѣднаго! За то вымучили“...

Вообще битые, порка, простыя затрещины являлись непремѣнными спутниками въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Впечатлѣнія самаго ранняго дѣтства у Ф. М. неразрывно связаны съ битьемъ. Угрюмый дядя никогда его не ласкалъ. Тетка, женщина добрая, но весьма недалекая, хотя и любила мальчика, но постоянно колотила его. Но ребенокъ чутокъ къ каждому сердечному проявленію, въ какой бы грубой формѣ оно не выражалось. „Я кажется любилъ тетку, — вспоминаетъ Ф. М., — и какъ не больны были ея колотушки, и какъ я не ревѣлъ съ досады, что самъ не смѣю сдать сдачи, а все также любилъ тереться при ней“. Тетка все-таки заботилась, чтобы ребенокъ былъ сытъ, цѣлъ, она мыла, чесала его. Дядю же ребенокъ боялся. Вотъ нѣсколько воспоминаній Ф. М. изъ того времени, когда ему было всего 5—6 лѣтъ отъ роду.

Была у дяди книга „Священная исторія Вѣтхаго Завѣта“ съ картинками. Прикасаться къ ней ребенку было строго запрещено. Дядя по праздникамъ, въ свободное время, любилъ читать эту книгу и разсматривать картинки. Тетка часто упрашивала его почитать вслухъ, объяснить какуюнибудь иллюстрацію. Впечатлительный ребенокъ тоже жадно тянулся къ книгѣ, но его грубо отгоняли.

— Ты зачѣмъ! — крикнетъ тетка, когда мальчикъ подкрадывается, старается хотя съ боку взглянуть на картинки.

Мальчикъ не отходить. Дядя щелкаетъ его книгой по лбу.

— Тебѣ говорятъ — пошелъ! Балбесъ ты этакій!

Мальчикъ стоитъ.

— Ахъ, ты подлая рожа. Гдѣ ремень?

И вотъ разъ, пользуясь отсутствіемъ воспитателей, ребенокъ добрался до запрещенной книги и, увлекшись, вырвалъ изъ нея картинки. А потомъ испугался и засунулъ книгу въ печь. Конечно, преступленіе обнаружилось.

„Дядя долго дралъ меня ремнемъ за эту проделку“ — вспоминаетъ Рѣшетниковъ.

Въ другой разъ дядя съ теткой любовались лубочной картиной, на которой изображалось сраженіе. Воспитатели обмѣнивались между собой впечатлѣніями. Крайне заинтересованный ребенокъ потянулся къ картинѣ и рванулъ ее такъ, что половина осталась въ его рукѣ.

„За это дядя такъ ударилъ меня по головѣ, что я грохнулся объ полъ; изо рта пошла кровь“.

Въ концѣ концовъ ребенокъ озлобился, ушелъ въ себя. Его постоянно попрекали каждымъ кускомъ хлѣба, попрекали отцомъ.

Ему постоянно твердили, что отец его негодный человек и что у родных он живет из милости.

Воспитатели Рѣшетникова жили на казенной квартирѣ, гдѣ кромѣ нихъ помѣщалось нѣсколько семействъ почтальоновъ и мелкихъ служащихъ. Сѣни и кухня были общія. Между жильцами шла непрерывная мелкая война. Было тѣсно, неуютно. Женщины ссорились и ругались около печей, мужья пьянствовали и били смертнымъ боемъ женъ. Все проклинали свое подневольное житье. И среди этого ада приходилось жить маленькому Рѣшетникову, не видя ни одного ласковаго лица, не слыша сочувствующаго слова. Напротивъ. Его посторонніе травили еще болѣе родныхъ. Въ ребенкѣ невольно начала развиваться метительность. Вотъ мрачныя воспоминанія изъ этого періода: „бывало отдеруть меня дома, я сажусь въ корридорѣ въ уголъ и думаю: что бы мнѣ такое сдѣлать по пакости, чтобы никто не узналъ. Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется:

— Что ты сидишь, драная харя!

— „Что ты дразнишься, песь ты экой!“.

Почтальонъ деретъ меня за волосы.

— Что ты дерешься, подлець!—и я ударю его.

Онъ пуще дразнится. Я брошу въ него чѣмънибудь.

— Я тѣ, сволочь!—скажетъ другой почтальонъ, выходя изъ двери.

Пройдетъ женщина и, со злостью направляя на меня кулаки, говоритъ:

— У, подкидышь.

— Молчи, чуча!

— О-охъ ты, чума сибирская!—плюетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ теткѣ, что я ее обозвалъ скверной бранью.

Я крѣпко затаю злобу и выдумываю мсть. „Ужъ сдѣлаю я имъ праздникъ!—думаю я. И весь день веселье, такъ что тетка удивляется:

— Опять видно спакостили что-нибудь?

Я иду въ корридоръ. Тамъ стоитъ шумящій самоваръ. Я вытаскую изъ него кранъ и заброшу его куда-нибудь. И совѣстно становится мнѣ своей глупости, а все-таки думаю: „пускай“...

Слышу я, что въ корридорѣ суетятся: голоса бабы.

— Что то баба запоетъ?—думаю.

— Ахъ, какъ-заване Божье этотъ парень!

— Смотри, какъ съль!.. Вѣдь восемь рублей стоитъ самоваръ то! Ахъ, будь онъ проклятъ этотъ парень!

— Ужъ это онъ, больше некому!

И вытаскать меня и начинаютъ расправляться.

Въ концѣ концовъ на маленькаго Рѣшетникова начали смотреть, какъ на будущаго разбойника и, что бы не случилось въ домѣ—все сваливали на него. Его драли постоянно, ему было тяжело жить, но и дядѣ было тоже не легко: приходилось платить за порчу вещей и постоянно выслушивать: „вотъ что вашъ сынокъ то опять надѣлалъ!“

— Да будьте вы все прокляты!—воскликнетъ дядя.

Наконецъ настало время учиться грамотѣ. Первымъ учителемъ явился тотъ же дядя. Можно представить себѣ, что это былъ за педагогъ, при его озлобленности и раздражительности.

„Азы“ я училъ цѣлый мѣсяць, — вспоминаетъ Рѣшетниковъ, — писалъ букву „а“ тоже цѣлый мѣсяць. Дядя подзоветъ меня къ столу, заставляетъ читать и такъ строго заставляетъ, что я боюсь его и молчу. Онъ крикнетъ на меня: Ну! Я задрожу. Онъ ударитъ меня, я въ слезы; онъ—хуже: привяжетъ меня къ столу и уйдетъ. Какъ только онъ уйдетъ, я начинаю ковырять указкой буквы, вырываю листы изъ азбуки. Дядя выспится, придетъ ко мнѣ.

— Выучилъ?

— Я молчу.

— Что же ты?

Я надуваю губы и со злостью смотрю въ уголъ.

— Такъ то ты?—Онъ схватитъ ремень и начнетъ меня драть... Я возьму да и укушу ему руку..

Наконецъ дядя махнулъ на ребенка рукой и отдалъ его въ бурсу, пристроить куда его удалось на томъ основаніи, что отецъ былъ ранѣе дьячкомъ.

Мальчикъ сначала былъ радъ, что избавляется отъ домашняго ада. Но бѣдняга изъ огня попалъ въ полымя. Пермская бурса того времени не многимъ отличалась отъ бурсы въ изображеніи Помѣловскаго. Розга и здѣсь являлась главнымъ воспитательнымъ факторомъ. Здѣсь поролли за всякіе пустяки. Рѣшетниковъ вспоминаетъ, какъ его, десятилѣтняго ребенка, въ одинъ день выпороли два раза до обѣда, да разъ послѣ обѣда. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль его не выпускали никуда изъ бурсы и каждый день драли, „какъ лошадь“, если не два раза, то разъ обязательно. Товарищи украли у него всю запасную одежду, которую дали родные и тоже били его безъ милосердія, такъ какъ онъ, вѣчно голодный, воровалъ у нихъ булки, сухари и другое съѣстное, приносимое имъ родственниками. Наконецъ, ребенку стало невтерпѣжъ и онъ задумалъ бѣжать. Къ дядѣ бѣжать онъ не рѣшался, такъ какъ зналъ, что тотъ приведетъ его въ бурсу обратно, а онъ видѣлъ какъ беспощадно наказывали бѣглецовъ. И вотъ ребенокъ раннимъ лѣтнимъ утромъ ускользаетъ изъ ненавистной бурсы и забирается на одну изъ колоколенъ. Здѣсь онъ просидѣлъ голодомъ

цѣлый день, созерцая городъ и Каму. Въ дѣтской душѣ его боролись противоположныя чувства: то онъ безумно радовался, что не въ бурсѣ, гдѣ теперь кого нибудь дерутъ, то страхъ охватывалъ его, особенно когда началась сильная гроза. Страхъ былъ такъ великъ, что мальчикъ подошелъ къ большому колоколу и молилъ пришибить его. Наконецъ, ужасъ совершенно овладѣлъ имъ и онъ стремительно сбѣжалъ съ колокольни. Ночь провелъ на берегу Камы въ одной лодкѣ, а утромъ въ этой же лодкѣ отплавился на ту сторону рѣки. Тамъ, на просторѣ, ребенкомъ овладѣла какая то безумная радость свободы. Но голодъ его сильно мучилъ. Къ счастью онъ наткнулся на рыбацкій шалашъ, гдѣ нашелъ полковриги хлѣба, а за однимъ, не отдавая себѣ отчета — зачѣмъ, обрѣзалъ удочки у снастей, раскидалъ неводъ и пробилъ дыру у одной изъ лодокъ. Голодъ былъ удовлетворенъ.

День выдался ясный, солнечный. Опять счастье наполнило измученную душу ребенка, быстро вытѣсняя озлобленность и горечь обидъ. Мальчикъ тихо размечтался: а хорошо бы тутъ выстроить домъ. И дядю съ теткой взять къ себѣ. Теперь бы онъ сталъ ихъ слушаться, пересталъ бы дѣлать пакости. Потомъ мальчику захотѣлось плыть дальше. Онъ сѣлъ въ лодку и началъ грести вверхъ по теченію. Усталъ. Приткнулся къ берегу, началъ вѣть хлѣбъ.

— Я те, подлюю рожу! вдругъ услышалъ онъ свирѣпый окрикъ. Къ нему подбѣжалъ рыбакъ; лицо его отъ гнѣва было такъ страшно, что мальчикъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

— Такъ то ты! Я тебѣ! — И взрослый человекъ началъ тузить ребенка не на жизнь, а на смерть. Весь окровавленный, онъ пересталъ даже чувствовать удары, градомъ на него сыпавшіеся. Впалъ въ безпамятство. Когда очнулся, то рыбака уже не было, а по срединѣ Камы плыли въ его сторону двѣ лодки. Въ нихъ пораженный мальчикъ увидалъ сторожей бурсы и нѣсколькихъ товарищей.

— Вотъ онъ, бѣглець! Вотъ! Зададутъ тебѣ порку.

„И была же мнѣ баня... Послѣ этой бани я два мѣсяца лежалъ въ лазаретѣ“.

Но и послѣ этого маленькій Рѣшетниковъ не пересталъ бѣгать изъ бурсы: слишкомъ ужасны и не переносимы были условія бурсацкой жизни.

Во время своихъ скитаній ребенокъ часто попадалъ въ компанію шипихъ. Били его вездѣ и заставляли пить водку, плясать, издѣвались всячески. Но все же это была не бурса, тутъ былъ хоть призракъ свободы. Въ послѣдній разъ его, оборваннаго и грязнаго, узнала одна знакомая и привела насильно къ дядѣ. „Дѣло извѣстное, что было послѣ этого“ — пишетъ Рѣшетниковъ въ своей

повѣсти. Наконецъ его исключили изъ бурсы и изъ духовнаго словія. Въ это время ему исполнилось 11 лѣтъ.

Мальчика забросили всѣ. Дядя махнулъ на него рукой и окончательно утвердился въ мысли, что въ домѣ растеть будущій разбойникъ. Тетка жалѣла по своему и кормила его. Въ эту эпоху своего кошмарнаго дѣтства мальчикъ сдѣлался задумчивымъ, сосредоточеннымъ и, какъ вспоминаетъ впоследствии, самъ собою выучился читать и писать.

Тогда же произошло его первое и послѣднее свиданіе съ отцомъ.

Жуткое впечатлѣніе оставило оно!

Произошло это ночью, когда мальчикъ уже спалъ на полу на войлокѣ. Сквозь сонъ онъ услышалъ, что въ комнату вошелъ дядя съ какимъ то незнакомцемъ, все время тяжело кашляющимъ.

— Вотъ ты гдѣ живешь! — сказалъ незнакомецъ и закашлялся.

— Это ты, братъ? — спросила тетка дрожащимъ голосомъ.

— Ну, зажигай свѣчку. А тотъ спить? — спросилъ дядя.

„Я догадался, пишетъ Рѣшетниковъ, что это былъ мой отецъ. Я задрожалъ, не знаю почему и сталъ вслушиваться въ разговоръ.“

— Ну, что онъ? — спросилъ отецъ.

— Смучились, братъ, смучились, — сказала тетка, зажигая свѣчу.

— Она избаловала, — сказалъ дядя.

— А вы бы его хорошенько утюжили... Заправски...

Рѣшетниковъ разсмотрѣлъ отца: онъ былъ въ почтальонской формѣ, на видъ лѣтъ 27, какъ будто здоровый, но кашель мучилъ его все время и онъ дышалъ съ какой то хрипотою.

— А меня, братъ, просто измучили, продолжалъ онъ, — я даже слышать сталъ плохо. Какъ меня били! Ты не повѣришь, что этотъ смотритель каждый день топталъ меня ногами, билъ въ грудь...

— Плохо, братъ, говорилъ я тебѣ — не пей.

— Не могу, братъ, досадно больно...

Тетка подошла къ мальчику и тихо сказала:

— Вставай! Отецъ пріѣхалъ.

Меня, какъ будто обдало морозомъ, я не могъ пошевелиться.

— Вставай! Экой безстыдникъ! — Тетка толкнула меня ногой.

Она потащила меня къ отцу, который сталъ смотрѣть на меня какъ то дико. Послѣдовала нѣмая сцена.

— Большой выросъ... женихъ... — сказалъ, наконецъ, отецъ.

— Что же ты не здороваешься съ отцомъ то? — сказалъ дядя и голосъ его дрожалъ.

— Ну поцѣлуй у него ручку, — сказала сквозь слезы тетка.

Мнѣ хотѣлось бѣжать. Тяжело было.

— Ну зачѣмъ? опять прервалъ молчаніе отецъ.

— Ну, здравствуй. Слушаешься ли ты дядю и тетку? — и отецъ закашлялся.

— Слушаюсь.

— Ну, и ладно. Ты называй ихъ отцомъ и матерью, слышишь?

Я молчалъ.

— Что же ты не цѣлуешь сына? — утирая слезы, проговорила тетка.

— Да чего его цѣловать.

— Да вѣдь сынъ онъ тебѣ!

— Что, сынъ! не я его вырастилъ.

— Ну, поцѣлуй, — наставлялъ дядя.

Отецъ нехотя протянулся къ моей щекѣ и укололъ своими щетинами. Отъ него пахло водкой.

Вотъ какъ свидѣлись отецъ съ сыномъ послѣ долгой разлуки...

На другой день отецъ Рѣшетникова уѣхалъ.

Вскорѣ онъ умеръ отъ чахотки.

Мучительныя чувства переживаетъ 11-ти лѣтній мальчикъ послѣ этого тягостнаго свиданія. Онъ даже порой не хотѣлъ вѣрить, что видѣлся съ настоящимъ отцомъ.

На 12 году Рѣшетникова отдали въ первый классъ уѣзднаго училища. Въ этомъ классѣ онъ проучился три года, и, по собственному признанію, ровно ничему не научился. Да и трудно было здѣсь чему нибудь научиться. Ужасна была эта дореформенная школа. Объ умственномъ развитіи дѣтей, учителя совершенно не заботились. Ученье шло въ зубряжку. „Учителя считали за наслажденіе драть насъ, — пишетъ Рѣшетниковъ. — Здѣсь бѣгали отъ классовъ по крайней мѣрѣ двѣ трети учениковъ. Это были дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей — мѣщанъ, дѣти чиновниковъ и купцовъ. Купеческія дѣти, правда, не бѣгали и ихъ не наказывали, потому что отцы ихъ дарили учителей. Я уже не бѣгалъ, потому что привыкъ къ розгамъ.“

А затѣмъ Рѣшетниковъ нашелъ вѣрный способъ избавиться отъ розогъ: онъ сталъ прислуживаться къ учителямъ. Бѣгалъ для нихъ на почту за письмами, а затѣмъ сталъ таскать имъ газеты, которыя просто воровалъ у себя въ почтовой конторѣ. Весь классъ радовался, когда Рѣшетниковъ приносилъ газету и учитель принимался за чтеніе, оставивъ мальчиковъ въ покоѣ. Учителя разлакомились и черезъ своего ученика сдавали письма безъ денегъ на марку и дядя устраивалъ пересылку ихъ бесплатно. Воровать въ конторѣ было легко, особенно живущему въ томъ же зданіи. Газеты и пакеты разбрасывались на столахъ. Иногда мальчикъ захватывалъ кромѣ газетъ казенныя пакеты и частныя письма. Въ

укромномъ уголкѣ онъ ихъ распечатывалъ, а потомъ бросалъ за заборъ, въ огородъ, въ сугробы снѣга.

Но, конечно, такое занятіе не могло долго оставаться безнаказаннымъ. Возмездіе пришло неожиданно, когда мальчикъ такимъ же образомъ похитилъ одинъ важный манифестъ и отправилъ его по тому же адресу: въ снѣжный сугробъ. Начались строгіе розыски. Была найдена въ огородѣ куча распечатанной корреспонденціи. Виновника немедленно уличили.

„На другой день меня выгнали изъ училища. Учителя отперлись отъ всего, говоря, что хотя я и носилъ газеты, но они думали, что это дядины. Обо мнѣ заговорилъ весь городъ. Дядя не выгналъ меня изъ дома, даже не выдралъ, а ходилъ какъ помѣшанный цѣлую недѣлю. Съ этого дня я числился подъ судомъ, и мое дѣло продолжалось цѣлые два года“.

Не радостно жилось Рѣшетникову въ его дѣтскіе годы, но вступленіе въ юношескій возрастъ было еще болѣе сумрачное. Эти два года онъ ежедневно выслушиваетъ ругань и попреки каждымъ кускомъ хлѣба. Его попрекали всѣми его прошлыми поступками и постоянно оскорбляли память отца. Къ этому надо добавить угрызения совѣсти. Рѣшетниковъ чувствовалъ и глубоко сознавалъ то горе, которое онъ приносилъ своимъ воспитателямъ. Онъ терпѣливо сносилъ всѣ ихъ попреки и старался, на сколько возможно, угождать воспитателямъ, для которыхъ онъ теперь превратился въ простого слугу. Но онъ радъ былъ и этому. Въ головѣ его былъ хаосъ, сердце мучительно ныло, онъ цѣлыя ночи плакалъ, молился Богу. Онъ старался осмыслить свое существованіе и не могъ этого сдѣлать.

Въ эту эпоху дядя не мало истратилъ изъ своихъ скудныхъ средствъ на хлопоты по дѣлу воровства племянника. Наконецъ, — совершился приговоръ судьи: малолѣтняго преступника приговорили къ ссылкѣ въ Соликамскій монастырь на три мѣсяца.

Рѣшетникову въ это время было шестнадцать лѣтъ.

Въ монастырь отправился онъ съ радужными надеждами: отдохнуть среди религіозныхъ людей, научиться чему нибудь доброму. Но его ждало жестокое разочарованіе на первыхъ же порахъ. Монахи большей частью пьянствовали, играли въ карты и дѣлали разныя непристойности. Скоро неопытный юноша втянулся въ эту праздную жизнь и она даже ему понравилась. Въ его дневникѣ, который онъ началъ вести, мы читаемъ: „и такъ чудно я проводилъ время съ монахами; они меня поили до пьяна пивомъ; монахи полюбили меня сердечно и я тоже питалъ къ нимъ любовь“. Оно вполне и понятно — здѣсь Рѣшетникова ничѣмъ не попрекали, не били и обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ. Если онъ не научился здѣсь ничему хорошему, то отдохнулъ физически и мо-

рально. А это было такъ необходимо. Худо же было то, что изъ монастыря Рѣшетниковъ вынесъ привычку къ спиртнымъ напиткамъ, что впоследствии послужило къ его преждевременной кончинѣ.

Три мѣсяца пролетѣли въ пьяномъ угарѣ быстро и Рѣшетниковъ вновь вернулся въ Пермь къ своимъ воспитателямъ.

Но это былъ уже другой человекъ. Въ душѣ его свершился глубокой переломъ. Монастырь, несмотря на все отрицательныя стороны жизни его обитателей, поселилъ въ юношѣ сильную склонность къ мистицизму и даже аскетизму. Страницы дневника Рѣшетникова наполнены покаянными размышленіями, его мысли постоянно возносятся къ Богу и онъ мечтаетъ объ аскетическихъ подвигахъ.

Воспитатели по прежнему встрѣтили блуднаго сына горькими попреками, но Рѣшетниковъ смирился, онъ понялъ всю горечь той жизненной обстановки, въ которой вращались его родные. Онъ прѣшилъ сносить все ругательства и постоянно возносилъ молитвы за своихъ благодѣтелей.

Благодаря хлопотамъ дяди его вновь приняли въ уѣздное училище. Религіозное настроеніе не покидало его и здѣсь. „Печально мнѣ смотрѣть,— заноситъ онъ въ свой дневникъ,— на братію мою, учащихъ: все наполнено хитрости, обмана и богохульства, что должно быть непростительно въ нашихъ лѣтахъ. О, сколь нынѣ свѣтъ развратился!..“. Рѣшетниковъ усердно посѣщаетъ церковь, поетъ на клиросѣ, читаетъ духовныя книги. Но мистицизмъ не всецѣло овладѣлъ имъ. Онъ страстно, всей душой полюбилъ природу и особенно красавицу Каму. Все свободныя дни онъ рыбачилъ на рѣкѣ и здѣсь постоянно сталкивался съ простымъ народомъ, рыбаками, бурлаками. Впечатлительный юноша глубоко воспринимаетъ жизнь простого народа, его нужду, его горе. Уже въ это время начинаютъ опредѣляться его симпатіи къ простому народу, пѣвцомъ страданій котораго онъ выступилъ позднѣе.

Ученье его шло успѣшно.

На девятнадцатомъ году онъ окончилъ курсъ уѣзднаго училища. Знаменательный день полученія аттестата такъ описанъ въ повѣсти „Между людьми“:

„Я очень веселый возвращался домой съ акта, держа въ рукѣ аттестатъ. Тетка меня ждала и встрѣтила у калитки со словами:

— Ну что? Еще на годъ оставили?

— Нѣтъ, вотъ аттестатъ.

— Едва то, едва выучился,— а на глазахъ ея были слезы. Мнѣ тоже хотѣлось плакать и я поклонился ей въ ноги.

— Покорно благодарю, мамаша, за все.

— То то и есть. А сколько ты намъ бѣдъ то надѣлалъ! Сколько ты намъ стоишь?

— П
— В

Дядя
стать, онъ

воду пить..

— П

— В

— П

Этотъ

многострада

койномъ от

бы ты на

плакалъ ч

воспитателю

и попреки

и хорошее.

давалъ обѣ

куплю тет

мить и по

Дядя

коллежека

жизни вос

должности

въ чиновни

Они не зна

прежде все

не умѣла.

она отруги

жать себя

Нако

Екатеринбу

Не б

мѣстѣ служ

ность сразу

стеромъ о

строилъ ве

чиновницъ.

обезпеченно

гораздо тяз

жащимъ.

Рѣше

лованье въ

ное дѣло; с

— Простите!

— Благодарю отца, а я что... И она поцѣловала меня.

Дядя холодно принялъ мою благодарность. Прочитавши аттестатъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „Вотъ, скотъ ты эдакой! Ты долженъ ноги мои мыть и воду пить... Сколько я истягался на тебя, а?“

— Цокорно благодарю, папенька.

— Ну, то-то. Всѣ вы не чувствуете добродѣтелей.

— Полно, авось онъ и не забудетъ насъ, — вступилась тетка...

Этотъ день Рѣшетниковъ называетъ лучшимъ во всей своей многострадальной жизни. Ночью онъ размечтался, вспомнилъ о покойномъ отцѣ, горько заплакалъ, думая: „Эхъ, отецъ! Посмотрѣлъ бы ты на меня теперь... Обрадовался бы ты, или нѣтъ?“. Юноша плакалъ чистыми слезами и давалъ слово отблагодарить своихъ воспитателей за все добро, которое они сдѣлали для него. Побои и попреки были забыты и память подсказывала только одно доброе и хорошее... „Какъ только буду получать хорошее жалованье, — давалъ обѣтъ Рѣшетниковъ въ эту памятную ночь, — непременно куплю теткѣ на платье, а дядѣ на сюртукъ... Ужъ буду же я кормить и поить ихъ, что бы они не сердились на меня“...

Дядя въ это время дослужился до перваго класснаго чина — коллежскаго регистратора. Это событіе совершенно перевернуло строй жизни воспитателей Рѣшетникова. Явилась надежда на полученіе должности уѣзднаго почмейстера. Но въ то же время превращеніе въ чиновниковъ принесло великія огорченія этимъ простымъ людямъ. Они не знали какъ себя держать въ новомъ положеніи. Тетка прежде всего купила шляпку и шиньонъ, обращаться съ которыми не умѣла. Она измѣнила даже походку. Надъ ней начали смѣяться, она отругивалась и плакала дома. Дядя тоже не зналъ, какъ держать себя и замкнулся въ себѣ еще болѣе.

Наконецъ, ему дали должность помощника почмейстера въ Екатеринбургѣ. Туда же вскорѣ перебрался и Рѣшетниковъ.

Не блестяще оказалось положеніе воспитателей на новомъ мѣстѣ службы. Тяжелый и мрачный характеръ дяди, его озлобленность сразу создали изолированность въ новой средѣ. Съ почмейстеромъ онъ не поладилъ на первыхъ же порахъ и тотъ ему строилъ всяческіе подвохи. Тетку же не принимали въ обществѣ чиновницъ. Правда, явилась нѣкоторая, конечно очень скромная, обеспеченность, но жилось при такихъ условіяхъ въ Екатеринбургѣ гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Перми, гдѣ дядя былъ простымъ служащимъ.

Рѣшетникову удалось устроиться писцомъ въ судѣ на жалованье въ три рубля въ мѣсяць. Онъ весь ушелъ въ свое несложное дѣло; онъ хотѣлъ работать для блага другихъ людей. Но скоро

и здѣсь его ожидало жестокое разочарованіе: онъ убѣдился, что вся его работа и состоитъ только въ томъ, чтобы красиво переписывать разные бумаги, въ которыхъ часто и до смысла нельзя было добраться. Рѣшетниковъ перенесъ свою кипучую энергію на изученіе судейскихъ дѣлъ, онъ старался войти во всѣ подробности и понять смыслъ и духъ судопроизводства. Онъ постоянно бесѣдовалъ съ подсудимыми, наблюдалъ своихъ товарищей, начальство. И скоро передъ нимъ во весь ростъ обрисовались всѣ темныя стороны дореформеннаго суда.

Все было построено на взяточничествѣ. Дѣла тянулись неизменно долго. Часто невинные люди цѣлые годы томились въ тюрьмахъ, гнили тамъ. Приговоры о наказаніяхъ, часто жестокихъ, подписывались судьями даже не читаясь. Судейскіе служащіе представляли изъ себя дружно сплоченную разбойническую банду, спаянную однимъ стремленіемъ: побольше хапнуть!

Чуткая душа Рѣшетникова содрогнулась при видѣ всей этой „неправды черной“. Тутъ у него зародилось страстное желаніе изобличить взяточничество, поднять свой голосъ за угнетенный, темный народъ.

Въ это время онъ много и безъ-разбору читалъ. Онъ проглатывалъ всѣ книги и газеты, которыя могъ только достать.

Жилъ онъ на квартирѣ дяди и помѣщался на полатахъ, которые были устроены въ комнатѣ. Тамъ его никто не видѣлъ, а онъ могъ наблюдать всѣхъ. Полати ему служили надежнымъ убѣжищемъ, въ которомъ онъ спасался всегда при появленіи посторонняго лица. Тамъ онъ сидѣлъ, затаивъ дыханіе, боясь выдать свое присутствіе. Но это ему не всегда удавалось. Рѣшетниковъ вспоминаетъ такую сцену: къ дядѣ ходилъ одинъ старый чиновникъ, который рассказывалъ часто веселыя вещи. Разъ Рѣшетниковъ не утерпѣлъ и чтобы лучше разглядѣть весельчака, высунулъ голову съ полатей, а потомъ быстро спрятался. Чиновникъ даже вздрогнулъ.

— Это, что у тебя за звѣрь?—спросилъ онъ дядю.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

— Это мой племянникъ.

— Какъ онъ меня испугалъ!

— Я тебя, шельма! Что ты тамъ не сидишь смирно!

— Я ничего,—сказалъ я.

— Что-жъ ты мнѣ не покажешь его?

— Не для чего.—И дядя принялся рассказывать съ разными прикрасами исторію про меня. Я злился и досадовалъ.

Вотъ на этихъ то полатахъ Рѣшетниковъ приступилъ къ описанію своихъ первыхъ произведеній. Онъ мечталъ излить на бумагѣ

всю неправду. Въ то время наиболее досаждало наружу всѣми и неудовольствиемъ страшно воздается ужасно вѣтеръ срываетъ. На могилѣ е

За попытку творчествомъ, что е убожество, ч любви и сам

Изумительна таетъ въ суденіями.

Воспитаніи Дядя при скудномъ посмотреть

— Ка

— Я

— Ко

— Да

— Я

Въ др

худо не былъ бумаги пере

Екатеринбургъ могъ ни съ могъ услышать Кромѣ того Перми и съ Онъ началъ

Дядя племянника. жизнь Рѣшетниковъ онъ ус

Весной усаженъ на двухъ лѣтъ.

Неприлично У заст его первья

всю неправду, все зло, которыя онъ наблюдалъ ежедневно въ судѣ. Въ то время онъ былъ убѣжденъ, что стихотворная форма является наиболѣе достойной и заслуживающей вниманія, чтобы вывести наружу все неправды судейскихъ чиновниковъ. Онъ пишетъ тяжелыми и неудобочитаемыми стихами поэму „Приговоръ“, гдѣ выводится страшный взяточникъ судья. За все его черныя дѣянія ему воздается ужасной смертью. Въ возмездіи участвуютъ даже стихіи: вѣтеръ срываетъ гробъ съ катафалка и взяточникъ вываливается. На могилѣ его видятъ постоянно двухъ черныхъ кошекъ.

За поэмой слѣдуетъ драма—„Паничъ“: Про эти первыя попытки творчества есть отзывъ Глѣба Успенскаго, который указываетъ, что если только одолѣть тяжелую форму изложенія, то можно убѣдиться, что у начинающаго автора есть масса матеріала, масса любви и самородная, неудержимая потребность сказать свое слово:

Изумительна трудоспособность Рѣшетникова! День онъ работаетъ въ судѣ, а вечера и ночи просиживаетъ надъ своими сочиненіями.

Воспитатели косо смотрѣли на увлеченіе племянника.

Дядя часто подходилъ къ нему и долго смотрѣлъ, какъ тотъ при скудномъ свѣтѣ свѣчки, водить перомъ по бумагѣ. Посмотрить, посмотреть и скажетъ:

— Каку ты черну немочь пишешь?

— Я свое пишу.

— Кому?

— Да напечатать хочу.

— Я вотъ тѣ напечатаю! Гаси огонь, пошелъ спать!

Въ другой разъ дядя сказалъ: „Смотри, парень, чтобы тебѣ худо не было. Читалъ бы лучше законы, да изъ суда носилъ бы бумаги переписывать“.

Екатеринбургъ скоро опротивѣлъ Рѣшетникову. Здѣсь онъ не могъ ни съ кѣмъ подѣлиться своими мыслями, стремленіями, не могъ услышать вѣрнаго мнѣнія относительно своихъ произведеній. Кромѣ того онъ скучалъ по Камѣ, къ которой такъ привыкъ въ Перми и съ которой у него связаны самыя лучшія воспоминанія. Онъ началъ опять стремиться въ Пермь.

Дядя сильно возставалъ противъ этой затѣи и не отпускалъ племянника. По этому поводу начали происходить частыя ссоры и жизнь Рѣшетникова едѣлалась еще безотраднѣе. Но въ концѣ концовъ онъ убѣдилъ дядю и тотъ согласился на его отъѣздъ.

Весной, въ 1861 году, Рѣшетниковъ, вмѣстѣ съ почтой, былъ посаженъ на лошадей и оставилъ Екатеринбургъ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ.

Непривѣтливо его встрѣтила Пермь, куда онъ такъ стремился.

У заставы онъ слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ въ городъ. Вотъ его первыя впечатлѣнія.

„Стали миѣ понадаться чиновники. Идутъ они, позѣвывая, на службу, идутъ какъ то нехотя. На желтыхъ лицахъ ни одной улыбки не замѣтишь; но замѣтно въ нихъ только какое то чиновническое достоинство, уваженіе къ самимъ себѣ: на фуражкѣ кокарда, поступь чиновническая и сморкаются по чиновнически. Смѣшно видѣть этихъ забитыхъ людей въ то время, когда они идутъ мимо начальническаго дома: видно, что имъ не хочется идти мимо оконъ: трепеть вдругъ какой то напаль и зло беретъ. Одинъ своротилъ съ тротуара, пошелъ около стѣны — хорошо, что окна высоки, можно согнуться; другой идетъ по тротуарамъ, смиренно глядитъ въ окно и держитъ правую руку на готовѣ; третій идетъ за нимъ слѣдомъ въ такомъ же настроеніи; второй прошелъ благополучно, а третьему не посчастливилось: прошелъ мимо одного окна, мимо другого, заглянулъ въ третье — и въ мигъ сдернулъ фуражку, пошатнулся и остушился въ тротуарную дыру... Разсмѣялась проходящая мимо торговка съ молокомъ: „Экъ тебя, голубчикъ, угораздило!“. Меня зло взяло. Впечатлѣніе было нехорошее на первый разъ“.

Послѣ долгихъ мытарствъ Рѣшетниковъ устроился писцомъ въ Пермскую казенную палату на жалованье 5 рублей въ мѣсяць. Здѣсь была тоже механическая работа, что и въ Екатеринбургскомъ судѣ.

Потянулось сѣрое и полуголодное существованіе.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Рѣшетниковъ ярко изображаетъ людей и духъ казеннаго учрежденія, гдѣ ему удалось устроиться.

Если въ Екатеринбургскомъ судѣ царило самое наглое, самое беззастѣнчивое взяточничество, то въ Пермской казенной палатѣ было полное торжество бюрократической мертвечины. Низшіе служащіе и здѣсь были также дики, необразованы и всѣ ихъ интересы дальше выпивки и грязныхъ любовныхъ интересовъ не шли. Всѣ старались выслужиться передъ начальствомъ и рады были подставить другъ другу ногу.

Не съ кѣмъ здѣсь было подѣлиться молодому Рѣшетникову своими думами, вопросами, волнующими его. Онъ съ тоски началъ сильно попивать и меньше писалъ.

На службѣ его оцѣнили, какъ хорошаго писца и исполнительнаго служащаго. Уже черезъ годъ ему было увеличено жалованье до 12 рублей. Товарищи начали завидовать. Но эти успѣхи, конечно, не могли удовлетворить пишущую натуру. Онъ началъ мечтать о столицѣ, объ умственной жизни въ центрѣ. Но какъ это устроить?

Единственной отрадой для него являлась все та же Кама, бесѣды съ рабочими, наблюденія простой, трудовой жизни.

Но въ Перми же судьба дала ему и великое счастье: знакомство съ двумя людьми, сумѣвшими оцѣнить его творчество и направить въ настоящее русло.

Въ ка
учителей у
ковъ. Послѣ
познакомил
Онъ усмотр
женія была
много дѣль
бросить сти
лѣ легкіе
за серьезной

Къ с
Перми и с
Лучшіе год
дневникъ т
годомъ мое
чего? Кром
мыслямъ и
нія и быть
зы нашего
аремъ бѣд
обольщеніи

Но
Это былъ
Они скоро
молодого
ми Этотъ
темы, писа
салъ небол
шую стате
щена въ
можетъ с

Рѣш
усердіемъ,
въ пяти д
стическіе

Рѣш
даетъ мас
наго, но м
читъ наш
нашъ край
ду, чинов
изъ жизни
поръ не о

Въ казенную палату поступилъ служить одинъ изъ бывшихъ учителей уѣзднаго училища, гдѣ ранѣе окончилъ курсъ Рѣшетникова. Послѣдній обратился къ нему за совѣтомъ. Бывшій учитель познакомился съ писаніями своего питомца и заинтересовался ими. Онъ усмотрѣлъ проблески несомнѣннаго дарованія, но форма изложенія была совершенно не литературна. Онъ далъ Рѣшетникову много дѣльныхъ совѣтовъ, прежде всего указалъ на необходимость бросить стихотворную форму изложенія, перейти на прозу и на болѣе легкіе сюжеты, чтобы выработать стиль и уже потомъ браться за серьезное.

Къ сожалѣнію руководитель Рѣшетникова скоро уѣхалъ изъ Перми и снова наступило одиночество. Снова затосковала душа. Лучшіе годы уходили. Въ эту эпоху Рѣшетниковъ заноситъ въ свой дневникъ такія строки: „Сегодня я поздравилъ себя съ двадцатымъ годомъ моей жизни. А что я сдѣлалъ за эти двадцать лѣтъ? Ничего? Кромѣ горя—ничего не было.. Дай Богъ созрѣть моимъ мыслямъ и исполниться желаньямъ людей, читавшимъ мои сочиненія и быть изъ нихъ дѣльному не для себя только, но и для пользы нашего русскаго народа... Дай Богъ мнѣ сносить терпѣливо яремъ бѣдной моей жизни и жить въ трудѣ, безъ гордости, самообольщенія“...

Но судьба утѣшила его новымъ цѣнителемъ его произведеній. Это былъ тоже сослуживецъ Рѣшетникова, получившій образованіе. Они скоро сошлись и новый другъ указалъ всѣ недостатки писаній молодого автора и знакомилъ его съ великими русскими писателями. Этотъ другъ также посоветовалъ ему бросить фантастическія темы, писать просто. Подъ его руководствомъ Рѣшетниковъ написалъ небольшой рассказъ изъ заводской жизни, а потомъ небольшую статейку о палатской библіотекѣ. Эта статейка была помѣщена въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и, собственно, она можетъ считаться началомъ литературной карьеры нашего писателя.

Рѣшетниковъ снова, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и усердіемъ, принимается за творчество. Онъ пишетъ большую драму въ пяти дѣйствіяхъ „Раскольникъ“. Тутъ уже преобладаютъ реалистическіе тона; но языкъ все еще тяжелъ.

Рѣшетниковъ сознаетъ, что нашъ обширный Пермскій край даетъ массу бытового матеріала, еще совершенно не использованнаго, но матеріала въ высшей степени интереснаго. „Почему молчитъ нашъ край?—задаетъ онъ вопросъ въ своемъ дневникѣ,—нашъ край обилень характерами. У насъ всякій живетъ на особицу, чиновникъ, купецъ, чернорабочій, крестьянинъ. А сколько тайнъ изъ жизни бурлаковъ неизвѣстныхъ міру? Отчего это никто до сихъ поръ не описалъ ихъ?“...

Рѣшетниковъ чувствуетъ въ себѣ силу сдѣлаться бытописателемъ своего края, но въ то же время сознаетъ, что обстановка его жизни не дастъ ему возможности отдаться работѣ. Мечты о столицѣ становятся еще неотвязчивѣе.

Наконецъ, представился случай осуществленія этой мечты. Въ Пермь прибылъ для ревизіи казенной палаты чиновникъ изъ Петербурга. Рѣшетниковъ былъ приставленъ къ нему въ качествѣ личнаго писца. Ревизоръ оцѣнилъ трудолюбіе маленькаго служащаго и относился къ нему благосклонно. Рѣшетниковъ, съ замираніемъ сердца, рѣшился высказать начальству свое завѣтное желаніе. Но говорить на словахъ онъ не посмѣлъ, а написалъ ему письмо и приложилъ къ нему одно изъ своихъ рукописныхъ сочиненій.

„Письмо, рассказываетъ Рѣшетниковъ, — ревизоръ прочиталъ при мнѣ. Читая, онъ улыбался“.

Я покраснѣлъ.

— „Что краснѣете? Вы драматическій писатель? ха! ха! ха!“

Я обидѣлся и испугался.

— Я вамъ скажу, что сочинители всѣ ни къ чему не годный народъ.. Впрочемъ я васъ испытаю. Приготовьте мнѣ черезъ двѣ недѣли рекрутскій уставъ и я васъ проэкзаменую“.

Рѣшетниковъ засѣлъ за уставъ и „экзаменъ“ сошелъ благополучно. Ревизоръ обѣщаль устроить переводъ въ столицу.

Въ это же время Рѣшетниковъ пережилъ свою первую, но неудачно окончившуюся любовь. Онъ полюбилъ одну скромную, но очень бѣдную дѣвушку. Ему, повидимому, отвѣчали взаимностью. Но естественной развязки не произошло, такъ какъ у любимой дѣвушки скончались родители и она принуждена была вступить въ бракъ съ другимъ. Эта неудачная любовь больно поразила сердце Рѣшетникова.

Ревизоръ сдержалъ свое слово не скоро. Почти годъ послѣ его отъѣзда протомился Рѣшетниковъ, ожидая перевода.

И только поздней осенью 1863 года на пароходѣ покинулъ онъ Пермь. Вотъ что мы узнаемъ изъ дневника про тѣ чувства, съ которыми писатель покинулъ родной городъ: „... когда пароходъ отвалилъ отъ берега, мнѣ стало крѣпко грустно... Отъ меня удаляется и милый городъ, удалилась милая рѣка, которую я любилъ съ дѣтства съ ея бурлаками. Я любилъ на ней плавать и, когда рыбачилъ въ дѣтствѣ, подолгу задумывался надъ природой, мнѣ чего то хотѣлось, куда то меня тянуло... На ней я провелъ горькую пору моей жизни, на ней узналъ себя, сличая людей... Я былъ тушь въ то время, но я рвался быть лучше... Въ Перми я ничего для себя не сдѣлалъ... Мое воспитаніе... забитость... даже любовь не принесла мнѣ ничего хорошаго... Былъ ли хоть одинъ день съ какой нибудь надеждой? А любилъ я берегъ Камы, любилъ проси-

живать под
хою Камой
въ водѣ, во
онъ шуми
Кама! Тепе

Съ ш
въ столицу.
и пьяныхъ
чикомъ очн
мундирѣ, с
не въ депа
ника. Онъ
на квартир

„Пре
Рѣшетнико
Перми явля
захотѣлось
что я созна
передъ гел
нему съ ку
хотѣлось у

Съ з
На з
дворникъ.

— Ч
— Я
— Я
— Я
— Я

Рѣше
прогнали л

Здѣ
ченій, къ с
жить безъ
чтожный де
быстро. По
онъ въ кам
только пере
гамъ. Не м
никовъ пал

Работ
ханическая
личались от
щены. Через

живать подолгу ночью у архіерейскаго ключика и любоваться тихою Камою, звѣздами и сѣротемными тучами, отражающимися въ водѣ, всплески рыболововъ, закамскіе огоньки и ледъ, когда онъ шумитъ и ломаетъ все по пути... Да, я люблю твою природу, Кама! Теперь ты катишь меня далеко, и Богъ вѣсть, ворочусь ли я?"

Съ шестнадцатью рублями въ карманѣ прибылъ Рѣшетниковъ въ столицу. Остановился гдѣ то въ подвалѣ, среди подозрительныхъ и пьяныхъ жильцовъ. На другой же день, подкрѣпившись стаканчикомъ очищенной, неопытный провинціалъ, въ нескладномъ вицъ-мундирѣ, сшитомъ доморощеннымъ пермскимъ портнымъ, направился не въ департаментъ, а прямо на квартиру своего протеже— начальника. Онъ былъ увѣренъ, что ему необходимо представиться именно на квартирѣ.

„Прежде я часто бывалъ въ барскихъ кухняхъ. — повѣтствуетъ Рѣшетниковъ, — пріемныхъ и комнатахъ, потому что у насъ въ Перми являются такъ съ подарками къ начальникамъ. И здѣсь мнѣ захотѣлось увидать барина въ кухнѣ, съ одной стороны потому, что я сознавалъ свое ничтожество, какъ писаришка изъ провинціи передъ генераломъ, и находилъ потому за лучшее протереться къ нему съ кухни; съ другой, стороны по провинціальному обычаю, мнѣ хотѣлось услышать о генералѣ кое-что отъ прислуги“.

Съ этой минуты начались злоключенія бѣднаго провинціала.

На заднемъ дворѣ квартиры генерала его грубо окрикнулъ дворникъ.

— Что ты тутъ шлешься?

— Я генерала ищу.

— Я тѣ дамъ генерала! Кто ты такой?

— Я не здѣшній. Скажи ради Бога, гдѣ онъ живетъ?

— Я тѣ покажу! Не здѣшній!.. Пошелъ прочь!

Рѣшетниковъ толкнулся на парадное крыльцо, но тамъ его прогнали лакеи. Тогда онъ догадался направиться въ департаментъ...

Здѣсь онъ, послѣ долгихъ мытарствъ и комическихъ приключеній, къ своему ужасу узналъ, что на первое время долженъ служить безъ жалованья, такъ какъ еще не зачисленъ въ штатъ. Ничтожный денежный запасъ Рѣшетникова таялъ въ столицѣ очень быстро. Положеніе его становилось прямо трагическимъ. Помѣстился онъ въ каморкѣ, рядомъ съ кабакомъ, отъ котораго его отдѣляла только перегородка. День и ночь здѣсь стоялъ страшный шумъ и гамъ. Не мудрено, что при такой невозможной обстановкѣ Рѣшетниковъ палъ духомъ и все чаще и чаще искалъ утѣшенія въ винѣ.

Работа въ департаментѣ была та же, что и въ Перми: механическая переписка бумагъ. Нравы чиновниковъ не многимъ отличались отъ пермскихъ, только наружно люди были болѣе вылощены. Черезъ мѣсяць Рѣшетникову назначили жалованье—9 руб.

въ мѣсяць. Существовать было немислимо. Трудно даже представить себѣ какую нищету переносилъ нашъ писатель. Обѣ обѣдахъ онъ и не смѣлъ мечтать, подкрѣпляя свои силы только водкой и разными дешевыми закусками. И все же, даже теперь, онъ не забросилъ писательства и его небольшіе очерки были охотно приняты въ журналѣ „Сѣверная Пчела“. Но платили за нихъ гроши, чаще же совсѣмъ не платили.

Въ это время онъ завелъ кой какія знакомства съ болѣе культурными людьми и по совѣту одного такого знакомаго свезъ свою первую большую работу въ редакцію самаго передового тогда журнала „Современникъ“, во главѣ котораго стоялъ Некрасовъ. Работа эта была — только что написанныя имъ „Подлиповцы“. Свою рукопись онъ сопроводилъ слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ въ редакцію: „Такихъ людей, какъ подлиповцы, въ настоящее время очень много и въ другихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ, потому что я 20 лѣтъ провелъ на берегу Камы, по которой весной мимо Перми плывутъ тысячи барокъ и десятки тысячъ бурлаковъ,—я задумалъ написать бурлацкую жизнь, съ цѣлью хоть сколько нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ. Я не думаю, чтобы цензура нашла что нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска. По моему написать все это иначе—значитъ говорить противъ совѣсти, написать ложь... *Наша литература должна говорить правду...* Вы повѣрите, я даже плакалъ, когда предо мной очерчивался образъ Пилы, во время его мученій“...

Письмо и четко переписанная рукопись привлекли вниманіе Некрасова. „Подлиповцы“ появились въ №№ 3 и 4 „Современника“ за 1864 годъ.

Удивительное это произведеніе! Это не рассказъ, это не повѣсть въ общепринятомъ понятіи; это скорѣе добросовѣстный протоколъ, написанный часто неуклюжимъ языкомъ, состоящимъ изъ короткихъ, точно рубленныхъ, фразъ. Но почему же читатель не можетъ оторваться отъ него, пока не дойдетъ до конца? Почему читатель хочетъ плакать вмѣстѣ съ авторомъ, слѣдя за всѣми злоключеніями наивныхъ, добрыхъ, дикихъ и глубоко несчастныхъ Пилы и Сысойки? Да потому—что это неуклюжее по формѣ произведеніе, есть неподложный человѣческій документъ, потому что авторъ глубоко проникся горемъ этихъ бѣдныхъ людей, этихъ троглодитовъ, заблудившихся въ культурный девятнадцатый вѣкъ; глубоко—трогательной является эпитафія автора надъ могилой бѣднаго бурлака: „родился человекъ для горе—горькой жизни, весь вѣкъ тащилъ на себѣ это горе, оно и сразило его... Вся жизнь его была въ томъ, что старался найти себѣ что то лучшее“...

„Под
тающей Рос
слѣдалось

Чи
похождені
странѣ пре
какой нибудь

„Но
редакцію
сокъ“ и п
Некрасова
ное полож
стную ему

Но
его и вот
эпоху: „он
грубъ... О
всѣмъ был
шала это
ворилъ, а
его всегда
распывал
ковъ гово
коротенько
блюдатель
ваго произ
этомъ сово

Къ
„Застѣнчи
одного изъ
менитой п
ный, какъ
изъ глуши
непосредст
не только
рался внос
всяческой

Вслѣ
въ лучших
деній. Поя
лучше?“, л
ла Знамен
съ природы
которыхъ с

„Подлиповцы“ сразу привлекли къ себѣ вниманіе всей читающей Россіи. Имя Рѣшетникова выплыло изъ неизвѣстности и слѣдилось популярнымъ.

Читающая публика, слѣдя съ захватывающимъ интересомъ за походомъ Пилы и Сысойки, была поражена, что въ культурной странѣ проживаютъ дикари, немногимъ опередившіе аборигеновъ какой нибудь огненной земли эпохи Кука и Магеллана...

„Подлиповцы“ дали возможность Рѣшетникову вступить въ редакцію „Современника“, а впоследствии „Отечественныхъ Записокъ“ и пользоваться обществомъ корифеевъ русской литературы: Некрасова, Салтыкова, Гл. Успенскаго, Панаева и др. Матеріальное положеніе его улучшилось и онъ, наконецъ, бросилъ ненавистную ему чиновничью службу и весь отдался литературѣ.

Но здоровье было уже надорвано, тяжелая жизнь измотала его и вотъ какимъ рисуется Рѣшетниковъ Гл. Успенскій въ эту эпоху: „онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ, порою грубъ... Отъ всѣхъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всѣму и всѣмъ былъ полонъ подозрѣніемъ; рѣдко, рѣдко добродушная улыбка освѣщала это угрюмое лицо... Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если и принимался рассказывать что нибудь, то рѣчь его всегда касалась предметовъ наиобыденнѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, себѣ подъ носъ, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель отходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ, при появленіи новаго произведенія Ф. М. удивляться по прежнему смѣшенію въ этомъ совершенно обыкновенномъ человѣкѣ великаго и малаго“.

Къ этой характеристикѣ критикъ Скабичевскій добавляетъ: „Застѣнчивый, робкій, неловкій Рѣшетниковъ напоминалъ собою одного изъ тѣхъ подлиповцевъ, какихъ изобразилъ въ своей знаменитой повѣсти. Въ то же время простой, искренній, дѣтски-наивный, какъ ребенокъ или дикарь, попавшій въ столичный омутъ изъ глуши своей родины, онъ привлекаетъ людей, знавшихъ его, непосредственностью и цѣльностью своей натуры, тѣмъ болѣе, что не только въ свои произведенія, но и въ самую жизнь онъ старался вносить тоже участіе къ народу и заботы объ оказаніи ему всяческой помощи“.

Вслѣдъ за „Подлиповцами“ Рѣшетниковъ начинаетъ печатать въ лучшихъ журналахъ того времени цѣлый рядъ другихъ произведеній. Появляются большіе романы и повѣсти: „Глумовы“, „Гдѣ лучше?“, „Свой хлѣбъ“, „Между людьми“, „Ставленникъ“, „Никола Знаменскій“, масса мелкихъ рассказовъ, набросковъ, картинъ съ натуры и кромѣ того драматическія произведенія, изъ числа которыхъ слѣдуетъ отмѣтить „Прогрессъ въ уѣздномъ городѣ“.

Творчество его носит крайне интенсивный характер.

По содержанию своих произведений Рѣшетниковъ вполне определенно примыкаетъ къ той группѣ реалистовъ писателей, которые определяются словомъ — народники и къ числу которыхъ принадлежатъ Помяловскій, Успенскій, Левитовъ, Златовратскій и другіе. Въ произведеніяхъ этой школы замѣчается почти полное отсутствіе художественной отдѣлки, но за то видно глубокое знаніе быта тѣхъ людскихъ слоевъ которые описываются авторами. Для писателей этого направленія девизомъ служатъ слова Рѣшетникова, приведенныя выше въ письмѣ Некрасову: „Наша литература должна говорить правду“. Въ своихъ произведеніяхъ Рѣшетниковъ ничего не выдумываетъ: онъ просто фотографируетъ жизнь, или, какъ удачно выразился Скабичевскій, онъ является своего рода народнымъ трибуномъ, проще сказать — докладчикомъ, ни о чемъ больше не помышляющимъ, какъ о томъ, чтобы „сколько нибудь помочь бѣднымъ труженикамъ“.

Въ эпоху своей чисто писательской карьеры Рѣшетниковъ обзавелся семьей. Онъ женился на одной своей землячкѣ, такой же бѣдной, какъ и самъ. Пошли дѣти. Литературный заработокъ того времени былъ не великъ и семья Рѣшетникова все время не выходила изъ нужды. Приходилось ютиться въ небольшой квартирѣ и писать подъ плачъ и крики больныхъ ребятишекъ. Вотъ что заноситъ уже извѣстный писатель въ свой дневникъ: „Если бы я имѣлъ средства жить въ отдѣльной комнатѣ и не забирать впередъ денегъ, я писалъ бы гораздо спокойнѣе и лучше чѣмъ теперь“.

Рѣшетниковъ глубоко и больно чувствовалъ недостаточность своего образованія и всѣми средствами старался пополнить его чтеніемъ. „Хуже всего — заноситъ онъ въ свой дневникъ, — что я не образовалъ себя такъ, какъ образованы наши литераторы. У меня нѣтъ свободы, денегъ. Будь у меня средства въ жизни и свобода, я черезъ годъ, черезъ два образую себя: буду читать, ближе буду всматриваться въ нашу жизнь, всосусь въ ея кости и кровь. Такъ нѣтъ этого! Безъ этого я гибну!“.

И писатель погибъ. Онъ сгорѣлъ, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ.

Скончался Рѣшетниковъ 9 марта 1871 года, на тридцатомъ году своей многострадальной жизни. Послѣ него осталась жена и двое дѣтей буквально безъ всякихъ средствъ.

Въ свое время критика подвела итоги творчества Рѣшетникова. Наиболее характерно определена личность его, какъ писателя въ слѣдующемъ отзывѣ Скабичевского: „Среди писателей, изображавшихъ бытъ простого народа, не мало найдется такихъ, которые значительно превосходятъ Рѣшетникова и силою своихъ художественныхъ талантовъ, и проникновеніемъ во многія существенныя

стороны
по безхит
фальши,
И
литератур
глыбы гр
и эпическ

стороны народной жизни, но едва-ли найдется равный Рѣшетникову по безхитростной правдивости своихъ разсказовъ, чуждый малѣйшей фальши, битья на эффекты, идеализаціи и сентиментальности“.

И къ этому можно добавить, что пока существуетъ русская литература— не умрутъ грубо, но вѣрно высѣченныя изъ цѣльной глыбы гранита монументальныя фигуры Пилы и Сысойки, не умретъ и эпическій образъ Николы Знаменскаго.

Модернизмъ и реализмъ въ русской литературѣ.

Идеалы народниковъ; преобладаніе внутренняго содержанія надъ формой изложенія. Провозглашеніе смерти быта. Задачи модернизма. Эгоцентризмъ Презрѣніе къ толпѣ. Эволюція модернизма Поэзія Бальмонта. Отъ риторики къ эксцессамъ. Повторяемость эпохи декаданса. Современный декадансъ. Модернисты и переживаемый великій моментъ. Безсиліе модернизма. Новый читатель; его вкусы и требованія. Будущее реализма.

Имѣютъ ли какое нибудь значеніе въ наше время, да и для будущаго, произведенія Рѣшетникова и не только Рѣшетникова и другихъ народниковъ, но и всей реалистической школы?

Вся современная модернистская литература, всѣхъ лагерей и безчисленныхъ направленій, даетъ намъ на это рѣшительно отрицательный отвѣтъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, въ переживаемую нами эпоху, когда художественныя произведенія облакаются въ такія совершенныя формы, когда явились настоящія волшебники слова, творчество которыхъ представляетъ тонкую, въ высокой степени, изящную ювелирную работу, — въ такое время неуклюжіе по формѣ произведенія народниковъ, написанные скорѣе языкомъ протокола, представляютъ изъ себя что то примитивное и по меньшей мѣрѣ наивное.

Вѣдь для современной литературы даже языкъ Пушкина, считавшійся для предшествующихъ поколѣній образцомъ красоты и совершенства, — является отсталымъ, архаическимъ.

„Державинимъ сталъ намъ Пушкинъ“...

„Да, Пушкинъ старъ для современья“...

смѣло заявилъ модернизмъ, обогащая русскій языкъ словотворчествомъ и изыскомъ формъ. Вотъ объ изыскахъ то формъ менѣе всего заботились представители народничества. Въ большинствѣ случаевъ, сами терпя матеріальную нужду и впитавъ въ себя горе народныхъ массъ, горе униженныхъ и оскорбленныхъ, — они менѣе всего заботились о формѣ своихъ произведеній и ихъ главной задачей являлось стремленіе обратить вниманіе сытыхъ и обеспеченныхъ на несовершенство нашей жизни, пробудить общественную совѣсть. И некогда имъ было свои творенія „въ радугу красокъ рядить“.

Кровью сердца и сокомъ нервовъ писали они, наивные для насъ люди, писали лихорадочно, сгѣша хотъ какъ нибудь излить

„Чѣмъ многозвучное сердце полно“.

Не ищите въ ихъ произведеніяхъ художественныхъ описаній природы, картинъ идиллической жизни, громкихъ эффектныхъ фразъ. Всего этого народники избѣгали даже преднамѣренно. Въ этомъ отношеніи весьма характерно начало одного разсказа позабытаго теперь народника — писателя П. И. Якушкина. Начавъ свой разсказъ описаніемъ заката солнца, бросивъ двѣ три фразы о пурпурныхъ облакахъ, Якушкинъ какъ бы спохватывается, что такими пустяками стыдно заниматься серьезному человѣку и обрываетъ: „ну однимъ словомъ — солнце шло къ западу, а я шелъ къ востоку“ и уже прямо переходитъ къ предмету повѣствованія.

Для народниковъ являлась важной не форма, а само содержаніе и упрекъ въ антихудожественности ихъ произведеній съ современной точки зрѣнія во многихъ случаяхъ совершенно справедливъ. Наблюдая русскую дѣйствительность во всѣхъ ея тяжелыхъ проявленіяхъ, являясь представителями трудящихся классовъ, обреченныхъ на тяжелое безпросвѣтное существованіе, — реалисты народники не имѣли на своей палитрѣ яркихъ красокъ, сочетаніе которыхъ могло бы дать пріятную для глазъ картину. Имъ важны были не пейзажи, не лирическія отступленія и изысканность языка, но правдивое изображеніе дѣйствительности во всѣхъ ея несовершенствахъ, во всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни. Лирика и пейзажи могли только отвлечь вниманіе читателя отъ той сути, которую съ такой добросовѣстной фотографической точностью считалъ своимъ долгомъ запечатлѣть писатель — народникъ. Они составляли человѣческіе документы и правда для нихъ была выше и дороже всего; въ жертву ей они приносили художественность, такъ какъ истина, по ихъ мнѣнію, должна являться безъ всякихъ прикритій.

Л. Н. Толстой для каждаго истинно художественнаго произведенія ставитъ, кромѣ, конечно, таланта автора, три непремѣнныхъ условія: 1) правильное, т. е. нравственное отношеніе автора къ предмету; 2) ясность изложенія или красоту формы, что одно и то же и 3) искренность, т. е. непритворное чувство любви или ненависти къ тому, что изображаетъ писатель.

Если приложить эту мѣрку къ произведеніямъ народниковъ, въ данномъ случаѣ Рѣшетникова, то безъ сомнѣнія, первое и третье условія на лицо. Отношеніе къ изображаемому у автора нравственное, т. е. правильное; искреннее сочувствіе къ героямъ его простыхъ повѣствованій стоитъ внѣ всякаго подозрѣнія. Онъ всѣмъ своимъ существомъ любитъ своихъ обездоленныхъ героевъ, онъ боится за нихъ душой, онъ мучается ихъ муками. Остается третье

условіе — красота формы. Но Толстой красоту формы понимает не въ той виртуозной изысканности, до которой дошла теперь претендующая на господство литературная школа, а въ ясности изложенія, въ простотѣ. И если мы съ этой точки зрѣнія будемъ оцѣнивать произведенія народниковъ, то, конечно, въ простотѣ изложенія, правда — временами шероховатой и грубой, отказать имъ тоже нельзя.

Но вѣдь идеалы народниковъ въ наше время „сланы въ архивъ“, они анахроничны, исторія ихъ въ прошломъ и нѣтъ у нихъ будущаго. Мотивы Некрасовской музы могутъ вызывать только презрительную улыбку у современнаго интеллигентнаго читателя, порвавшего со всякими гражданскими мотивами и выше сего ставящаго глубину и яркость личныхъ душевныхъ переживаній.

Не представители реализма являются властителями думъ современнаго интеллигентнаго русскаго общества, убѣжденнаго вмѣстѣ съ Метерлинкомъ, что „великое позитивное, царившее до сихъ поръ, подходитъ, кажется, къ концу“. Призывы реалистической школы такъ обыденны, такъ сѣры, скучны — они прикрѣпляютъ къ землѣ, къ повседневности, къ скучной работѣ во имя блага массъ, — а душа человѣка, его гордое свободное „я“, имѣетъ другія стремленія, не только противоположныя, но прямо враждебныя этимъ призывамъ.

И вотъ, является модернизмъ, какъ реакція противъ реализма, сумѣвшій формулировать и объединить неясныя стремленія „избранныхъ“ натуръ, безплодно тоскующихъ среди сѣрой повседневности.

Модернизмъ прежде всего врагъ этой повседневности. Онъ ее не пріемлетъ.

„Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, — говоритъ одинъ изъ столповъ русскаго модернизма Ф. Сологубъ, — и творю изъ него сладостную легенду, ибо я — поэтъ. Коснѣй во тьмѣ, тусклая и бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ, — надъ тобою жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ“.

И въ русской литературѣ нашихъ дней правдивое изображеніе сѣрой дѣйствительности смѣняется твореніемъ „сладостной легенды“. Коллективизмъ уступаетъ мѣсто индивидуализму. Собственное „я“ становится центромъ вселенной и только внутреннія переживанія этого „я“ заслуживаютъ серьезнаго вниманія, только онѣ одни ярки; а отсюда — проповѣдь безпредѣльнаго эгоизма:

„Все въ этомъ мірѣ тускло и мертво,
Но ярко себялюбье безъ зазрѣнія:
Не видѣть за собою никого“.

Проповѣдуетъ Бальмонтъ.

Эгоизмъ возводится въ догматъ. Эгоистъ обязанъ быть одинокъ и своими внутренними откровеніями, яркостью ихъ, онъ дол-

женъ насл
„людьми“

„Ес
Од
Без
И в

Вѣш
Уча

давливающе

„Пр
И д
Я са
Безо

рисуетъ Ф

Нич
его узкіе,
всякаго со
тамъ всѣ

Русс
къ толпѣ,

„Я п

Тоск
Блѣд
Вы

Не м
логубъ:

„Быт
О за
Отче
Чар

Отво
нѣе презри
Положеніе
своихъ „Ст
ныхъ слова

„Душ
Все т
Круг
Наро
Она
И зр

Будуч
низмъ враж

женъ наслаждаться одинъ, не дѣлясь ими съ пошлой толпой, съ „людьми“, „съ гадами“, „съ многими“.

„Есть великое счастье—познавъ, утаить:
Одному любоваться на грезы свои;
Безотвѣтно твердить откровеній слова,
И въ пустынѣ слѣдить, какъ восходитъ звѣзда“.

Вѣщаетъ Брюсовъ.

Участь избранной природы—полное одиночество, гордое, само-
давлѣющее:

„Преодолевъ тяжелое косиѣнье
И долгій путь причинъ,
Я самъ—творецъ и самъ—свое творенье,
Безстрастенъ и одинъ“;—

рисуетъ Ф. Сологубъ положеніе избраннаго.

Ничто такъ не враждебно модернизму, какъ человѣчество, его узкіе, мѣщанскіе идеалы. Толпа—это пошлость. Надо избѣгать всякаго соприкосновенія съ людьми съ толпой. Гдѣ пьетъ толпа, тамъ все родники отравлены.

Русскіе модернисты особенно ярко подчеркнули это презрѣніе къ толпѣ, къ людямъ.

„Я проклялъ васъ, люди!—воскликаетъ Бальмонтъ
„Живите въ потьмахъ,
Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни,
Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ,
Вы къ казни идете отъ казни“.

Не менѣе энергично выражаетъ презрѣніе къ толпѣ и Ф. Сологубъ:

„Быть съ людьми—какое бремя!
О зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить“...

Отворачиваясь съ презрѣніемъ отъ толпы, модернизмъ не менѣе презрительно относится и къ ея идеаламъ, ея стремленіямъ. Положеніе избраннаго въ этомъ пошломъ мірѣ Блокъ рисуетъ въ своихъ „Стихахъ о прекрасной дамѣ“ въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ:

„Душа молчитъ. Въ холодномъ небѣ
Все тѣ же звѣзды ей горятъ.
Кругомъ о златѣ и о хлѣбѣ
Народы шумные кричатъ..
Она молчитъ, — и внемлетъ крикамъ
И зреть далекіе міры“..

Будучи по существу своему глубоко индивидуальнымъ, модернизмъ враждебенъ идеѣ соглашенія между людьми, враждебенъ все-

му коллективному, всему тому, что нужно для блага толпы. Онъ враждебенъ самому прогрессу этой ненавистой для него толпы. Законы, которые придуманы для порабощенія человѣчества,—нелѣпы,—они лишь только сковываютъ всякія свободныя проявленія личности, они личность приносятъ въ жертву коллективу. Поэтому модернизмъ учитъ презирать и ненавидѣть все то, что порабощаетъ личность, что налагаетъ на нее обязанности. Все должно быть уничтожено во имя полного торжества собственнаго „я“. Мораль, гуманность, религія, наука, разумъ, даже слова, въ ихъ общепринятомъ значеніи,—все, все, чѣмъ живетъ скованное этими условностями человѣчество,—достойно лишь ненависти, и отчужденіе отъ всего этого человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, обязательно для избраннаго.

„Людей родныхъ мнѣ далеко страданье,
Чужда мнѣ вся земля съ борьбой своей.
Я облачко, я вѣтерка дыханье“,—

говоритъ Бальмонтъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній. Онъ же даетъ совѣтъ:

„Будь далека отъ земли и крыломъ бѣлоснѣжнымъ
Вѣчно скользи
Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.
Мыслямъ отдайся безбрежнымъ,
Плачь и мечтай,
Прочь отъ земли улетай“.

Будучи враждебенъ общественности, модернизмъ, конечно, презираетъ демократію и съ ужасомъ зреть на подготовляющееся торжество „грядущаго хама“.

„Съ торжествомъ демократіи,—пугаетъ Пшебышевскій,—настанетъ царство лавочниковъ, клеоновъ, кожевниковъ и мужиковъ, которые ненавидятъ все прекрасное, все стоящее выше ихъ“.

Стремленія модернизма такъ обрисованы у Брюсова въ его „Трехъ Завѣтахъ“:

„Первый прійми: не живи настоящимъ.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Самъ же себя полюби безпредѣльно.
Третій храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздѣльно, безцѣльно“.

Указавъ на то, что слѣдуетъ ненавидѣть, модернизмъ учитъ любить все, что помогаетъ уйти отъ жизни. „Онъ учитъ: люби эгоизмъ, одиночество и разрушеніе, люби вымыселъ, фантазію, красоту и искусство, изображающее несуществующій міръ, слѣдуй инстинкту, люби женщину и любовь, преклоняйся передъ всѣми формами разврата и извращеній, передъ всѣми видами опьяненій, лю-

би каприз
до безумія
Пора
дернизмомъ
чиль въ
области я
Пер
Юная муз
легкостью,
вимъ. Въ
является
ное свѣти

„Я
Впи
Как
Я с

Вдо

отъ жизни
Онъ мечта
такъ тихо
образахъ:

„Он
Она
Не
Усп

Но

уловить н
низмъ. Ба
мечтаетъ

„Я
Я в

съ тоской
Так
робко пер
Бал
дачи став

„Я
Тол
Въ
Пол

Не
Я в
Я в
И р

*) П

би капризь, безразсудство, ирраціональныя движенія души вплоть до безумія, беспорядочныя слова, не скованныя логикой и смыслом *).

Поразительна быстрота эволюціи, пройденная русскимъ модернизмомъ. Наиболѣе яркое выраженіе у насъ модернизмъ получилъ въ поэзи и наиболѣе яркимъ и тишичнымъ поэтомъ въ этой области является Бальмонтъ.

Первыя произведенія поэта появляются въ 90-хъ годахъ. Юная муза Бальмонта привлекаетъ къ себѣ вниманіе чарующей легкостью, музыкальностью стиха. Основной мотивъ ея едва уловимъ. Въ этотъ первый періодъ своего творчества молодой поэтъ является пѣвцомъ луны. Онъ на разные лады воспѣваетъ это блѣдное свѣтло, вдохновляющее его творчество:

„Я сладко плачу и дышу луной,
Впиваю это блѣдное сіянье,
Какъ эльфъ, качаюсь въ свѣткѣ изъ лучей,
Я слушаю, какъ говоритъ молчанье“.

Вдохновленная луной, муза поэта грустно-мечтательна, далека отъ жизни. Въ этотъ періодъ Бальмонтъ часто воспѣваетъ смерть. Онъ мечтаетъ какъ хорошо погибнуть въ морѣ, на днѣ котораго такъ тихо, тихо. Сама смерть рисуется ему въ привлекательныхъ образахъ:

„Она придетъ ко мнѣ безмолвная,
Она придетъ ко мнѣ безстрастная,
Неизъяснимой нѣги полная,
Успокоительно прекрасная“.

Но и въ этомъ раннемъ періодѣ въ поэзи Бальмонта можно уловить нотки, которыя потомъ станутъ доминирующими въ модернизмѣ. Бальмонтъ чуждается толпы, ему далеки ея страданья, онъ мечтаетъ уйти „отъ блѣдныхъ людей“.

„Я усталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопросамъ,
Я жалѣю, что жилъ на землѣ“, —

съ тоской восклицаетъ юный поэтъ-декадентъ.

Таковъ Бальмонтъ перваго періода, когда модернизмъ еще робко пересаживался на русскую почву.

Бальмонтъ той эпохи сознаетъ свое одиночество и свои задачи ставитъ въ весьма ограниченныя рамки. Онъ говоритъ:

„Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!“

*) П. С. Когаиъ. Прологъ стр. 52.

Въ этомъ признаніи нельзя даже уловить ироніи. Поэтъ одинокъ и меланхолично сознается, что онъ надѣется встрѣтить отзвукъ только у мечтателей. Толпа—эти умудренные жизнью, его не пойметъ и онъ не зоветъ ее. Но онъ и не проклинаетъ „мудрыхъ“. Онъ только груститъ.

Но картина быстро мѣняется. Декадентство въ нашемъ климатѣ роскошно принимается и распускается пышнымъ цвѣтомъ. Годы предшествовавшей тяжелой реакціи подготовили людей, психика которыхъ была надломлена, исковеркана. Декадентство встрѣтило сочувственный откликъ, явилось цѣлымъ откровеніемъ. У Бальмонта явились подражатели, образовалась аудиторія. Онъ уже не былъ одинокъ.

Быстро измѣнилось настроеніе поэта. И прежде всего онъ, неблагоприятный рыцарь, измѣняетъ своей Дульцинеѣ—Лунѣ. Онъ уже становится пѣвцомъ другого свѣтила—центрального нашей системы—солнца. Это яркое и царственное свѣтило мѣняетъ и колоритъ поэзіи Бальмонта. Его муза исторгаетъ уже не мечтательно—сентиментальные звуки, но жизнерадостные, гордые. Бальмонтъ позналъ въ чемъ заключается завѣтъ бытія. Ему свободный вѣтеръ сказалъ: „будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ“. Ему звучное море отвѣтило: „будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“.

„Я спросилъ у высокаго солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило солнце,
Но душа услышала: „Гори!“.

Теперь поэтъ не говоритъ уже о смерти. Онъ уже не любитъ луну и если солнце уходитъ съ горизонта, то солнечный поэтъ идетъ на башню ловить отблескъ дневного свѣтила.

„Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня.
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня“.

Солнечный поэтъ носится по океанамъ. И здѣсь онъ не одинъ. Его сопровождаетъ царственная свита—альбатросы морей. Въ Мексикѣ, въ странѣ исчезнувшей культуры, на островахъ Океаніи, гдѣ сохранились уголки первобытности, поэтъ дѣлаетъ удивительныя открытія въ области лингвистики. Онъ облакаетъ въ стихи и философскія откровенія. Онъ уже вѣщаетъ, онъ учительствуетъ. Въ поэзіи онъ видитъ великое волшебство и онъ знаетъ сокровенную тайну звуковъ.

Но „толпа“, „люди“, многое должны простить Бальмонту, такъ какъ все же это истинный поэтъ, поэтъ милостью Божіей и художественное чутье не позволяетъ ему переступить роковую черту и вступить въ область эксцессовъ. Толпа не забудетъ, что въ ми-

нута про
и неподра
простить

Ива
Бальмонт
заявляет
эго—фут
тить на
Если Бал
на нихъ.
никовы д
звуки, и
листами.

Бь
свой кру
Не
доступно
Всегда
ція. Чер
слишком
зидается

Ч
ство дев
мая лег
отреклис
созерцав
И тогда
цался, в

Ч
его тотт
тѣму сре
чары, в
основах

И
и разоч
нашей о
спиритиз
слишком
позитив
пытки д
ицыя, б
требован

В
къ обще

внуты просвѣтлѣній Бальмонтъ дарилъ ее поэтическими перлами и неподражаемыми переводами Шелли. Чудачества же поэта можно простить и... забыть.

Иначе обстоитъ дѣло съ подражателями и продолжателями Бальмонта. Здѣсь весь эффектъ въ эксцессахъ. Если Бальмонтъ заявляетъ, что всѣ поэты до него были только его предтечами, то это — футуристъ Игорь Сѣверянинъ, чтобы побить рекордъ и обратить на себя вниманіе, долженъ прямо объявить себя гениемъ. Если Бальмонтъ проклиналъ людей, то Бурлюки должны плевать на нихъ. Если Игорь Сѣверянинъ творить новыя слова, то Хлѣбниковы должны рифмовать какіе то уже совсѣмъ бессмысленные звуки, или же, что еще эффектиѣе, выпускать книжки съ бѣлыми листами.

Быстро привившись у насъ, модернизмъ быстро завершаетъ свой кругъ: онъ расцвѣлъ въ риторикѣ и вырождается въ эксцессахъ.

Не новое явленіе модернизмъ. Уже не разъ на протяжении доступной намъ исторіи человѣчества воцарялась эпоха декаданса. Всегда послѣ великихъ потрясеній мысли и духа наступаетъ реакція. Черезчуръ пылкія ожиданія не сбываются, эволюція идетъ слишкомъ медленно, наступаетъ временная разочарованность и создается благоприятная почва для декаданса.

Что такое средніе вѣка въ Европѣ, какъ не полное торжество декаданса? Вѣдь тогда пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла „Творимая легенда“, тогда люди умѣли „чары дѣять, тихо ворожить“, отреклись отъ дѣйствительности, отъ всего земного, погрузились въ созерцаніе и тоже слѣдили, какъ „въ пустынѣ восходитъ звѣзда“, И тогда чувство превалировало надъ разумомъ. И разумъ отрицался, какъ нѣчто грѣховное, вредное и ненужное.

Человѣчество стояло передъ страшной пропастью, но спасъ его тотъ же презираемый разумъ. Онъ подобно молніи прорѣзалъ тьму средневѣковья, и прозрѣвшее человѣчество стряхнуло съ себя чары, вернулось къ дѣйствительности, къ творчеству жизни на основахъ разума.

И въ наше переходное время, когда также явилась усталость и разочарованность, декадансъ не разъ пытался стучаться въ двери нашей общественности, то въ видѣ мистицизма, то просто въ видѣ спиритизма, но слишкомъ въ насъ еще много было скептицизма и слишкомъ было крѣпко то, что Метерлинкъ называетъ великимъ позитивнымъ, конецъ котораго онъ усматриваетъ нынѣ. Первые попытки декаданса были неудачны и потерпѣли фіаско. Нужны были иныя, болѣе изысканныя формы. Модернизмъ удовлетворилъ этимъ требованіямъ.

Въ хмурые годы, когда парализовано было всякое стремленіе къ общественности, когда хмурые люди, этотъ продуктъ безвременья,

тоскливо влачили свое тусклое существование, — модернизм блеснул своей псевдо-яркостью. Онѣгнымъ и Печернымъ нашихъ дней, персонажамъ изъ романовъ Достоевскаго, тоскующимъ ничемникамъ, мѣщанамъ, мечтающимъ о сверхчеловѣкѣ, блеснулъ свѣтъ, явилось объясненіе, столь красивое, столь яркое, ихъ презрѣнія къ людямъ, ихъ неприемлемости свѣрой жизни. Имъ было внушено, что земное ихъ томленіе — печать избранной природы. А избранныя должны отъ земли прочь улетать, должны забыть земныя слова... У модернистовъ явилась благодарная и восторженная аудитория, ряды которой увеличиваются еще неустоявшейся и гибкой молодежью.

Но жизнь уже сошла съ мертвой точки. Разразились великія міровыя событія. Наступило время, когда слышны шаги исторіи. Въ такіе исключительные моменты такъ нужно, такъ необходимо огненное слово призыва. Кто же его долженъ сказать народу, какъ не писатель, какъ не поэтъ, — эти пророки нашихъ дней?

Вѣдь еще поэтъ старой школы сказалъ:

«Писатель — если только онъ
Волна, а океанъ — Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода».

Какъ же реагировали на великія событія эти „нервы“ современной Россіи? Вѣдь модернизмъ порвалъ съ землей, порвалъ съ человѣчествомъ; вѣдь его область — чистыя небесныя стези, тамъ онъ скользитъ крыломъ бѣлоснѣжнымъ, вѣдь онъ презираетъ толпу, человѣчество, которое только и способно кричать о хлѣбѣ и златѣ.

Да, это такъ. Но вѣдь все же и моментъ исключительный. Моментъ, когда

„Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ“.

А ужъ поэтамъ теперь молчать о земномъ неудобно, и вотъ модернистская лира настраивается на гражданскій ладъ, столь ей ненавистный и чуждый.

Но чтобы глаголомъ жечь сердца людей, надо подобно древнему Антею припадать къ груди матери земли. И только она одна, эта общая кормилица, можетъ дать силы на великіе подвиги, на великое вдохновеніе. Какъ же могутъ припасть къ землѣ, прочь отъ земли улетѣвшіе?

И вотъ мы наблюдаемъ полное безсиліе модернизма, его банкротство.

Бальмонтъ пишетъ явно вымученные, лишенные обычной прелести и музыкальности, стихи, въ которыхъ риторика тщетно хочетъ прикрыть пустоту содержанія. Еще бы! Въдѣ тутъ тема подается разсудкомъ, а не чувствомъ.

Но если Бальмонтъ только холодно риториченъ, то все же онъ остается въ рамкахъ благоприличія.

Иначе реагировало лѣвое крыло модернизма: оно не замедлило выявить свою сущность, показать настоящее лицо.

Изысканный эстетъ эго—футуристъ Игорь Сѣверянинъ выражаетъ свои чувства по отношенію къ великой войнѣ въ такихъ „изящныхъ“ строкахъ:

«Германія не забывайся! Ахъ, не тебя ли
сдѣлалъ Бисмаркъ?....
Но это тяжкое величье солдату русскому
на высморкъ!»....

Игорь Сѣверянинъ на время забываетъ отрѣшенность отъ всего земного и становится въ позу гражданина своего отечества. Онъ съ пафосомъ призываетъ:

«Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!».

Уже забыто, что еще такъ недавно на голову этого народа сыпались только проклятія.

Игорь Сѣверянинъ воспылалъ страстной ненавистью къ Германіи:

„Да сгинетъ наглая Вильгельмія—
Разбойническая страна!“.

И онъ призываетъ:

„Кто рушитъ Германію -- скорѣе на станцію!
Раскройте же матери и жены евангеліе!
Въ ряды Краснокрестія вступайте безъ словъ!“.

Мало того, самъ поэтъ даетъ обѣщаніе:

„Когда жъ настанетъ наша очередь,
Цвѣты мы смѣнимъ на мечи“.

Но эту очередь геніальный футуристъ почему то все оттягиваетъ и оттягиваетъ. На это несоотвѣтствіе между словами и дѣломъ ему указываютъ злобные критики. Игорь Сѣверянинъ даетъ торжественный обѣтъ:

«Друзья! Но если въ день убійственный
Падетъ послѣдній исполинъ,
Тогда вашъ иѣжный, вашъ единственный,
Я поведу васъ на Берлинъ!».

Поэтъ, конечно, шутитъ. Онъ прекрасно знаетъ, что „исполиновъ“ (а по вчерашней терминологіи г.г. модернистовъ — „людей“, „толпы“, „гадовъ“) еще много, дѣло обойдется и безъ него. „Нѣжный“ и „единственный“ долженъ беречь себя для болѣе славныхъ дѣлъ. Онъ спокойно остается на берегахъ Невы и наслаждается комфортомъ, созданнымъ руками тѣхъ же исполиновъ, которые теперь проливаютъ свою кровь за родину, а въ томъ числѣ и за него. Толстѣ поэтъ такъ объясняетъ измѣну данному обѣту:

„Еще не значитъ быть измѣнникомъ —
 Быть радостнымъ и молодымъ,
 Не причиняя боли плѣнникамъ
 И не спѣша въ шрапнельный дымъ...
 Ходить въ театръ, въ кинематографы,
 Писать стихи, купить трюмо...
 Пройтись по Морской съ шатенками,
 Связать вѣнки изъ кризантэмъ,
 По-прежнему пить сливки съ пѣнками,
 И кушать за десертомъ кремъ.
 Война—войной, но очи синія
 Синѣйте завтра, какъ вчера!“

Такимъ образомъ объясненіе найдено, гражданскій долгъ выполненъ и теперь можно со спокойной совѣстью кушать сливки съ пѣнками, гулять съ шатенками и снова творить изысканныя и вычурныя поэмы, благо есть попрежнему сочувствующая и ничему не научившаяся аудиторія.

И въ грозные дни безпримѣрной войны, въ дни, когда рѣшаются судьбы не только нашей родины, но и судьба другихъ народовъ, когда жизнь явно намѣчаетъ новые пути и когда такъ дорого, такъ необходимо коллективное творчество всей мыслящей массы—въ эти грозные и отвѣтственные дни мы читаемъ объявленія о выходѣ въ свѣтъ уже не на бумагѣ, а на синей парчѣ, новыхъ книгъ, гдѣ чуть не золотомъ оттиснуты изысканныя „Ананасы въ шампанскомъ“, „Громокипящіе Кубки“.

Но это вполнѣ естественно. Еще великій художникъ—реалистъ Л. Н. Толстой сказалъ: *„настоящее искусство не нуждается въ украшеніяхъ, какъ жена любящаго мужа. Поддѣльное искусство, какъ проститутка, должно быть всегда изукрашено“*.

На разрушеніе и отрицаніе надо имѣть право, равно, какъ на утвержденіе и созиданіе.

Міру являлись великіе разрушители, являлись пламенные пророки; они смѣло и дерзко сокрушали подгнившее старое, отжившія формы. Но то были люди съ печатью генія, борцы, отмѣченные Бо-

жествомъ
 Вольтера
 мѣнью,
 гордое
 минувши
 чество
 смертно
 жества.
 ческій
 Смердя
 Р
 атмосфе
 жизни
 Р
 общест
 довой,
 поръ м
 тель; с
 щаго т
 народа
 не отр
 болѣе
 творен
 забыть
 нець,
 ственн
 мы мо
 дить н
 изобра
 новало
 вянско
 свѣтъ
 ларъ с

жествомъ. Разрушая—они созидали. Язвительный смѣхъ Рабле, Вольтера, Свифта наносилъ могучіе удары торжествующему самомиѣнію, утвердившимся догматамъ. Міровая скорбь Байрона будила гордое чувство человѣка, возносила его къ небу. Борцы и пророки минувшихъ дней не отрекались отъ земли, не проклинали человѣчество, но со всей силой своего генія наносили могучіе удары „безсмертной пошлости людской“: они человѣчество поднимали до Божества. То было великое дерзновеніе Люцифера, то былъ сардоническій хохотъ Мефистофеля, а не ужимки мелкаго бѣса, не усмѣшка Смердякова.

Расцвѣтъ модернизма былъ возможенъ только въ затхлои атмосферѣ, когда подавлялось всякое стремленіе къ творчеству жизни и когда сама жизнь не давала яркихъ переживаній.

Но время мертваго застоя миновало, событія и пробудившаяся общественность властно зовутъ къ строительству новой жизни, трудовой, осмысленной, свободной. Пробуждаются инертныя до сихъ поръ массы, и на Руси нарождается и уже родился новый читатель; онъ пришелъ прямо отъ чернозема, отъ чернаго и созидающаго труда, онъ—скромный строитель жизни. Новый читатель изъ народа несетъ свои требованія, простыя и здоровыя и вкусы его не отравлены гнилыми разложеніями ложной культуры.

И съ пыльных полокъ расходятся и будутъ все болѣе и болѣе расходиться презираемыя теперь „избранными и утонченными“ творенія нашихъ великихъ писателей—реалистовъ. И вновь оживутъ забытыя слова, забытыя завѣты. Они оживутъ—ибо пришло, наконецъ, время реального воплощенія ихъ въ жизнь.

Горячій откликъ находятъ завѣты эти въ простыхъ и мужественныхъ сердцахъ.

Въ великолѣпномъ разказѣ Максима Горькаго „Коноваловъ“ мы можемъ прослѣдить какое прямо волшебное дѣйствіе производитъ на здоровое и свѣжее чувство народа вѣрное и правдивое изображеніе дѣйствительности.

Горькій работалъ въ хлѣбопекарнѣ вмѣстѣ съ пекаремъ Коноваловымъ. Это наивный сынъ народа, пролетарій, съ чисто славянской душой, то широко разгульный, то мучительно тоскующій.

Низкій, грязный подвалъ, коптящая лампочка, при тускломъ свѣтѣ которой Горькій читаетъ книжку. Коноваловъ растянулся на ларѣ съ тѣстомъ.

— „Про что эта книжка? Почитай-ка.

То были „Подлиповцы“ Рѣшетникова.

Горькій началъ читать,

Коноваловъ весь обратился въ слухъ.

„Иногда я черезъ книгу,—повѣствуетъ авторъ,—заглядывалъ въ его лицо и встрѣчался съ его глазами—у меня до сей поры они въ памяти—широко открытые, напряженные, полные глубокаго вниманія... Внимательная поза подогрѣвала меня, и я старался какъ можно внятнѣе и образнѣе разсказать ему грустную исторію Пилы и Сысойки“.

Чтець усталъ и закрылъ книгу.

— Все ужь?—шопотомъ спросилъ Коноваловъ.

— Меньше половины.

— Всю вслухъ прочитаешь?

— Изволь.

— Эхъ!—Онъ схватилъ себя за голову и закачался, сидя на ларѣ. Ему что то хотѣлось сказать, онъ открывалъ и закрывалъ ротъ, вздыхая, какъ мѣхи, и для чего то защурилъ глаза. Я,—говорить Горькій,—не ожидалъ такого эффекта.

— Какъ ты это читаешь! шопотомъ заговорилъ онъ—на разные голоса... Какъ живые всѣ они... Апроська! Цишиить! Пила... дураки какіе. Смѣшно мнѣ было слышать... не удержался... А дальше что? Господи, Боже. Вѣдь это все правда. Вѣдь это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишные мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса, и рожи... Слушай, Максимъ! Посадимъ печь—читай дальше!

Чтеніе закончилось подъ утро.

Слушатель сидѣлъ какъ замороженный.

Наконецъ книга кончена.

— „Хорошо?—спросилъ чтець.

Коноваловъ замоталъ головой, жмуря глаза, и опять шопотомъ заговорилъ:

— Кто же это сочинилъ?—въ глазахъ его свѣтилось неизъяснимое словами изумленіе, и лицо вдругъ вспыхнуло горячимъ чувствомъ.

Горькій разсказалъ, кто написалъ книгу.

— „Ну—человѣкъ онъ. Какъ хватилъ. А? Даже ужасно. За сердце беретъ, т. е. щиплетъ душу—вотъ до чего живо. Что же онъ, этотъ сочинитель, что ему за это было?“

— Т. е. какъ?

— Ну, на примѣръ, дали ему награду, или что тамъ?

— А за что ему дать награду?

— А какъ за что? Книга... вродѣ какъ бы актъ полицейскій. Сейчасъ ее читаютъ... судятъ: Пила, Сысойка... какіе же это люди? Жалко ихъ станеть всѣмъ... Народъ темный, невинный... Какая у нихъ жизнь? Ну и...

— И?...

— Какое нибудь распоряженіе должно выйти. Люди вѣдь они, и нужно ихъ поддержать...

Горькій разсказалъ ему какія награды получаютъ писатели—народники.

— Такъ ему ничего и не дали? Умеръ онъ?

— Умеръ.

Коноваловъ съ благоговеніемъ взялъ въ свои огромные, мозолистые, руки книгу.

— Умеръ, а книга осталась, и ее читаютъ. Смотрить въ нее человекъ глазами и говорить разные слова. А ты слушаешь и понимаешь: жили на свѣтѣ люди—Пила, Сысойка и Апроська... И жалко тебѣ людей, хоть ты ихъ никогда не видалъ и они тебѣ совсѣмъ ничего. На улицѣ они такіе, можетъ, десятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь про нихъ ничего... и тебѣ нѣтъ до нихъ дѣла... идутъ они и идутъ... А въ книгѣ ихъ нѣтъ... Однако тебѣ ихъ жалко до того, что даже сердце щемитъ... Какъ это понимать? А сочинитель то такъ безъ награды и умеръ? Ничего ему не дали.

Горькій разсказалъ Коновалову о тяжелой судьбѣ Рѣшетникова, о роли кабака въ жизни русскихъ литераторовъ.

— Да развѣ такіе люди пьютъ?—шопотомъ спросилъ Коноваловъ. Въ его широко открытыхъ глазахъ сверкало и недоверіе, и испугъ, и жалость къ тѣмъ людямъ,—пьютъ! Что же они, послѣ того, какъ напишутъ книги, заливаютъ?

Горькій молчалъ.

— Конечно послѣ...—рѣшилъ Коноваловъ.—Живутъ люди и смотрятъ въ жизнь, и вбираютъ въ себя чужое горе жизни. Глаза у нихъ, должно быть, особенные... И сердце тоже... Насмотрятся на жизнь и затоскуютъ... И вольютъ тоску свою въ книги... Но это ужъ не помогаетъ, потому,—сердце тронуту и изъ него тоски огнемъ не выжжешь... Остается водкой ее заливать. Ну и пьютъ... Такъ я говорю?...

Такъ, Коноваловъ, такъ! Ты своимъ человѣческимъ сердцемъ, ты своимъ здоровымъ чутьемъ вѣрно угадалъ суровую правду жизни. Ты, наивный и свѣжій человекъ, былъ потрясенъ просто и правдиво разсказанной повѣстью о жизни и страданіяхъ маленькихъ людей...

Но что такое Коноваловъ?

Это—песчинка огромнаго монолита, имя которому—народъ. Онъ, спящій богатырь, просыпается и жадно тянется къ духовной пищѣ. Онъ становится читателемъ.

И не творимыя легенды, не ананасы въ шампанскомъ нужны этому читателю, безчисленному, какъ песокъ морской, какъ звѣзды на небѣ, но ему нужно здоровое и вѣрное изображеніе дѣйстви-

тельной жизни, во всей ея многогранности, сложности, во всѣхъ тяжелыхъ и свѣтлыхъ проявленіяхъ ея.

Равнодушно пройдетъ этотъ новый читатель мимо изысканнаго и вычурнаго. Но близки и дороги ему будутъ такіе писатели, какъ Рѣшетниковъ. Ибо ихъ произведенія—это неподложные человѣческіе документы, это отраженіе истинной жизни, это та правда, отъ которой съ презрѣніемъ отвернулась современная экзотическая литература, забывая, что правда—„Богъ свободнаго человѣка“.

